

«День молодого бойца» или раны, которые демократия не лечит.

Сегодня, 29 марта, в Сантьяго и некоторых других городах Чили в большинстве учреждений и фирм сделали сокращенный рабочий день, чтобы все пораньше смогли вернуться домой. На центральных улицах идут столкновения молодежи с карабинерами и карабинеров с молодежью, а когда стемнеет в периферийных кварталах Сантьяго будут гореть баррикады из шин. В этом году в Чили уже почти не осталось цензуры и впервые пресса и правительство называют этот день так же, как и инициаторы протестов и выступлений – «День молодого бойца». Сначала – немного истории.

В этот день в 1985 году, когда агония пиночетовского режима становилась все более очевидной и новое поколение чилийцев, лишенное страха своих родителей, все смелее и чаще выходило на улицы Чили с требованием возвращения демократии, в Сантьяго карабинерами были убиты братья Вергара – 20-летний Эдуардо и 18-летний Рафаэль. Оба они были хорошо известными и любимыми студенческими руководителями и участвовали в подпольном Левом Революционном Движении (МИР). После одного из очередных массовых протестов в родном районе братьев – Вилья-Франсия, карабинеры провели настоящую военную операцию с целью их уничтожения. Из полицейских машин их, бежавших по темным вечерним улицам, загнали в тупик и сначала застрелили Эдуардо. Увидев, что брат падает, Рафаэль вернулся на помощь брату, попытался обнять его и был сражен пулями. Умиравшему ему разбили голову прикладом и уже в полицейском фургон сделали контрольный выстрел в затылок. Пресса сообщила о «гибели в перестрелке с патрулем двух преступников-террористов, пытавшихся ограбить магазин». В эту же ночь во время облавы, у себя дома была убита Паулина Агирре – 20-летняя студентка, тоже член МИР. Также «при сопротивлении силам правопорядка». И в эту же ночь этими же «силами правопорядка» были похищены известный дизайнер Сантьяго Наттино, только что вернувшийся из ссылки на родину учитель Мануэль Герреро и социолог Хосе Мануэль Парада, сын популярных чилийских актеров. Через два дня их практически обезглавленные трупы со следами пыток нашли брошенными возле старой дороги в международный аэропорт. Все трое были членами запрещенной в те годы компартии и двоим из них было чуть больше 30-ти. Диктатор, чувствовал, как из под его ног уходит почва, люди начинали терять страх и ставка далась на такие вот наглядные уроки ужаса.

Моя хорошая знакомая, журналистка Нанси Ортис, жила в те годы в одном доме, только на два этажа выше родителей братьев Вергара. Эта большая семья была довольно религиозной и участвовала во всех католических мероприятиях соседей. Эдуардо и Рафаэль выросли на глазах у всех, были лучшими учениками и примером для всей детворы двора. Нанси жила одна с маленьким ребенком и братья Вергара по очереди помогали ей поднимать тяжелые сумки из магазина на верхний этаж в доме без лифта. Сегодня Нанси живет в другом районе города, ее дети стали уже старше не успевших вырасти братьев Вергара и сегодня, в «День молодого бойца», она стремится пораньше попасть домой, успешно миновав все конфликтные точки города и избежав случайного камня со стороны демонстрантов и закономерного слезоточивого газа со стороны карабинеров.

Пресса, та же самая, что когда-то писала об «уничтожении террористов силами правопорядка» сегодня говорит нам о «толпах варваров и бесчинствах люмпенов, ничего общего не имеющих с почтением памяти жертв диктатуры». Опять все как-то очень

просто. По крайней мере для тех из нас, кто привык не осложнять себе жизнь неудобными вопросами.

Да, конечно. Мобильные стайки молодежи, швыряющие «оружие пролетариата» и бутылки с «коктейлем Молотова» в витрины, автобусы и даже в клиники (сегодня было нападение на больницу Трудящихся) не назовешь продолжателями дела павших в борьбе с диктатурой. Но некая связь, причем даже очень тесная все-таки есть.

Нынешняя чилийская власть, среди представителей которой немало членов семей погибших и пострадавших в годы военного режима, изменила в стране многое, кроме главного – навязанной Пиночетом неолиберальной экономической модели, которая по самой своей природе обрекает часть населения на маргинализацию и пожизненную участь быть гражданами второго сорта. Система, при которой достойное образование и здравоохранение не право, а роскошь только для тех, кто в состоянии оплатить ее, в результате чего одни, меньшинство, рождаются, чтобы быть хозяевами, а другие – чтобы быть прислугой, не может требовать от граждан подчинения законам, в которых не учтены их права и интересы. Варварски протестующая сегодня молодежь – не столь важно где, это может быть Париж, Будапешт, Сантьяго или любой другой мегаполис глобализированной планеты – как правило, люди исключенные системой из жизни, часть населения, которое становится для системы балластом, «лишними ртами», ненужным грузом, теми, от кого эта система стремиться избавиться. Сегодня на планете Земля подавляющее большинство человеческих существ исключено из современных экономических процессов, эти люди не являются активными потребителями и производителями, т.е. не вписываются в логику рыночного фундаментализма. Всего около 10% населения планеты пользуется благами современной цивилизации и прогресса; удел остальных – более или менее успешное выживание, в зависимости от региона, возраста и воображения. Брешь между богатством и нищетой с каждым годом растет, причем за счет вчерашнего «среднего класса», который, кажется, последний верит в реальность собственного существования.

Для многих и особенно для сил правопорядка понятие «бедный» – синоним понятия «преступник», ибо здравый смысл подсказывает, что жить на минимальную зарплату зачастую невозможно. Поэтому действия и обращение полиции с жителями бедных кварталов на периферии любого из крупных городов Латинской Америки, несмотря на все рассуждения политических властей о демократии и «равенстве возможностей» больше похоже на поведение оккупационных армий.

Мне кажется, главная проблема страны заключается в том, что Чили не знакома с Чили. Одна часть чилийцев не имеет ни малейшего понятия о жизни другой, и поэтому это общество полно мифов, предрассудков и взаимного недоверия. С другой стороны – для маргинального подростка окраин Сантьяго, получающего полуобразование в набитой такими же как и он, «проблемными детьми» государственной школе, где чтобы быть учителем надо иметь большое призвание и большое сердце, а таких всегда не хватает, ребенок из семьи, где вся жизнь родителей проходит в 8-10 часах работы и еще 3 часах дороги на нее обратно (часть «трудовой гибкости», чтобы страна «осталась конкурентоспособной на мировых рынках»), опять же это в лучшем случае, когда родителей двое и когда они не алкоголики и не наркоманы и когда отец не вор, а мать не проститутка (что в маргинальных районах Сантьяго скорее норма, чем исключение... причем Сантьяго в регионе – относительно благополучная столица... на фоне Лимы или Гватемалы – почти Женева). Так вот, этот подросток, постоянно униженный карабинерами, которые его обыскивают при выходе из молла или супермаркета и просто вечером на улице – «потому что он бедный и значит, может быть, что-то украл»,

подросток, единственное развлечение которого дома – огромный телевизор, купленный родителями в кредит на несколько лет или по-дешевке уступленный вором-соседом, потому что книг здесь давно никто не читает. Этот подросток смотрит на экран и видит жизнь и вещи, который он пожизненно лишен из-за несчастья родиться не в той семье и не в том месте. Он смотрит на другую, благополучную жизнь другими глазами, в этом возрасте у него еще не атрофировалось чувство справедливости и несправедливости и единственная доступная его сознанию форма протеста – это швыряя камень в этого карабинера, в этот автобус, в эту витрину как множественные воплощения той, другой, далекой, недоступной, безразличной или даже враждебной по отношению к нему Чили. Если он не бросит этого камня – о его существовании так никогда никто и не узнает. Этот заслуженный камень – во всех нас, за то, что нашим равнодушием по отношению к этой реальности, мы ее допускаем. Потому что Чили и миру срочно нужны реформы более глубокие, чем TranSantiago. Если, конечно, мы не хотим, чтобы все улицы всех наших городов стали завтра сценой боев между теми, у кого нет ничего, против тех у кого есть все. Если кто-то думает, что я сгущаю краски – пусть найдет свободный вечерок, чтобы посетить «народные районы» Сантьяго, где живет больше половины его жителей и пусть попытается пообщаться поближе с их жителями.

Конечно, я говорю только о части сегодняшних протестующих (в кавычках и без оных). Есть и множество других – обычные хулиганы, из тех что не упустят случай, маменькины детки, решившие поиграть в «революцию», любители адреналина, преступники, использующие это как удобный повод выбить дверь магазина или киоска и вынести всего побольше, различные платные и добровольные провокаторы, стремящиеся скомпроментировать то или иное движение или организацию, всех не перечислишь... но по-настоящему важно и интересно другое – будущее этого подростка, исключенного нашим сегодняшним обществом из жизни... и всяческие благотворительные кампании – как высшая школа лицемерия.

«День молодого бойца». Все романтические рассуждения о героической борьбе народа – глупости для плохой (потому что была и хорошая) советской литературы. Любая диктатура – это травма, меняющая характер любой нации в худшую сторону. Это опыт, развивающий и поощряющий худшее, что есть в человеке. Несмотря на недавнюю смерть тирана и искреннее желание большинства чилийцев окончательно перевернуть эту страшную страницу истории, сегодняшнее общество сохраняет в себе эту травму. По случайному стечению обстоятельств сегодня начался суд над четверьмя карабинерами, обвиняющимися в убийстве братьев Толедо. Но участники столкновений в честь «Дня молодого бойца» еще не знают этой новости. Их лица освещены горящими шинами и где-то рядом звучит сирена полицейского фургона... для многих точно такого же, как и тот, что увозил 22 года назад с этих же забытых окраинных улиц тела Эдуардо и Рафаэля.

Олег Ясинский